

Рубрику ведут
Татьяна Глуховская и
Сергей Хоршев-Ольховский

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА «АРИА»

Международный Союз литераторов и журналистов

СЕРГЕЙ ХОРШЕВ-ОЛЬХОВСКИЙ. Писатель, редактор, вице-президент и председатель правления Международного Союза литераторов и журналистов «АРИА». Соавтор и ведущий литературных рубрик «АРИА НА ДОНУ» и литературной странички для детей. Автор многих произведений прозы: роман, повести, рассказы, очерки, юмористический цикл «Хуторские байки». Публиковался в различных газетах, журналах, альманахах и сборниках в России, США, Австралии, Англии, Германии, Латвии, Литве, Украине, на Кипре, начиная с 1994 г. На основании этих публикаций в свет вышли три книги: «Четыре бездны», «Клетчатый пиджак», «Любовь и грех». Готовится к изданию четвёртая книга «Запах родины» и к переизданию «Четыре бездны». За роман «Четыре бездны» и сборник рассказов «Клетчатый пиджак» награждён атаманом Всеукраинского Войска Донского и атаманом Верхне-Донского округа медалью за возрождение

казачества (2009 г.) и именной казачьей шашкой (2010 г.). Лауреат диплома и Большой золотой медали имени Франца Кафки в номинации "Проза 2011", присваиваемой Европейской унией искусств и многих других литературных наград. Казачий полковник. Чрезвычайный и полномочный представитель союза казаков России и Зарубежья в Великобритании и странах Европейского союза.

я один пошёл на огород за молоденькими, пахучими огурчиками. Сорвав папочку, я вдруг решил попрыгать и покувыркаться через голову на мягкой травке, недалеко от копанки. Расстояние было вполне безопасным, но я так азартно кувыркался, что голова моя начисто закружилась, и я угодил-таки в копанку и стал захлёбываться весьма холодной, родниковой водой. Но тем не менее, хотите верьте, дорогие читатели, хотите нет – не струсил. Стал отчаянно барахтаться и удержался на мгновение на плаву. И в это мгновение умудрился ухватиться за длинный корешок травы, торчавший из земляной стенки копанки и попытался выбраться по нему самостоятельно, без криков и слёз. И мне это

на которой произнёс свои первые слова, на которой встретил своих первых друзей, на которой впервые дотронулся до девичьего тела. Всё что было впервые – всё было там! Даже моя первая профессия – профессия штурманского до сих пор сидит ярким воспоминанием в моём сердце и сознании, и до сих пор кажется самой весёлой и романтической. Да так, наверное, на самом деле и есть. Это же ведь всё было на родном воздухе и на родной земле, освещённой родными, особыми лучами, особого для той местности солнца.

А ещё она начинается с запевки скворца, и с заветной скамьи у ворот, и с каких-то ещё близких нашему сердцу вещей и событий.

Скворца теперь мало кто слушает. А зря. Скворец является явным атрибутом малой родины. Что он только не вытворит – талантище этакий, на заре. Это же целый оркестр! Так за душу и берёт! Как он только не щебечет, как только не свистит, как только не заливается! Каким только голосом не подражает! Сам не раз был свидетелем, как бабушка Дуня ругалась на дедушку Ваню:

– Дед, ты гусей опять не выгнал на траву?!

– Да выгнал, выгнал! С самого утра!

– Да как же выгнал, коль они во дворе гагочут!

– Остепенись! – повышал голос дедушка. – Говорю выгнал, значит выгнал!

– Значит, они вернулись! – упорствовала бабушка.

И они оба поспешно выбегали из свежепобелённой хаты во двор, и оба добродушно ворчали на скворца-пародиста, подражавшего целому стаду гусей. Мычал он и телёнком, блял и овечкой, и бабушка опять ворчала на дедушку, что он вовремя не вывел скотинку пасти.

А когда выяснилось, что это опять проделки скворца, они опять добродушно ворчали на него и заодно гордились, что он у них самый умелый из всей округи, и собирались поставить в саду ещё один скворечник. А и было отчего гордиться. Скворец-то даже научился подражать пускачу трактора, за что его особо хвалил по утрам тракторист, не имевший будильника.

Раньше в каждом дворе был на длинной жердине свой скворечник, и если

он ветшал или по какой-то другой причине становился не пригодным для жилья, хозяева тут же, незамедлительно, поднимали ввысь новый. А как иначе. Ведь скворцы, в отличии от людей, всегда вовремя возвращаются после своих дальних путешествий. Они своего рода члены семьи – а семья и есть Родина.

Заветная скамья у ворот – тоже особый атрибут. С чего-чего, а с неё тоже начинается Родина. Именно там мы с ранних лет усваивали разность полов, именно там завязалась первая дружба, именно там пришла первая любовь и первые поцелуи, именно там мы впервые услышали о далёких странах и городах – именно это больше всего врезалось в наши сердца и навсегда осталось в нашем сознании, куда бы судьба нас не занесла, чтобы с нами не сотворила, какие бы яркие события нам не преподнесла. Скамейка за двором останется в нашей памяти навсегда, и чем дальше в глубину лет, тем отчётливее и ярче. Именно отсюда – от скамьи у ворот, многие из нас разлетелись в разные края и теперь многие отчаянно ностальгируют и мечтают возвратиться, хотя бы в конце своей жизни. Но многим ли нам удастся вернуться туда, где навсегда остались дедушки и бабушки, папы и мамы; туда, где самый вкусный воздух и самая вкусная вода; туда, где самая мягкая и удобная под твоей ногой земля; туда, где ещё осталась какая-то толика хороших и верных товарищей; туда, где ещё ставят скамьи у ворот и где по-прежнему чудно поют скворцы и соловьи?..

Послесловие

Понятие Родина – достаточно объёмное. И понятие с чего она начинается, может быть у каждого человека своё – список этот может быть весьма обширным. Но мама, папа, поток воздуха с клочка той земли, на которую мы впервые ступили и звёзды, при особом расположении которых мы родились и которые впервые осветили нас млечным, загадочным светом, всегда войдут в этот список. Только там – на малой родине, наш организм будет функционировать наиболее благоприятно, только там наша душа будет наиболее умиротворённой. Пусть и окажемся мы там ненадолго – пусть всего лишь на один денёк, пусть всего лишь на один часок...

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

(Продолжение. Начало в № 85, 11 октября 2014 г.)

Папа

С папой мы по рождению одной звучной, красивой фамилии, уходящей корнями в глубь веков. Урождённые, закоренелые казаки, с богатой родословной. Я с раннего детства внутренне чувствовал, что мы с ним одной крови. Я всегда хотел быть рядом с ним, хотел подражать ему. А уж он и подавно знал, что мы одной крови. Никогда и ни в чём не отказывал мне в детстве, хоть и был весьма строгим казаком. Он всегда был готов прокатить меня на тракторе или мотоцикле, или, на худой конец, на велосипеде, пусть и была нехватка времени. И никогда не возвращался вечером в дом с пустыми руками – у него всегда в кармане была для меня конфетка или пряник. А когда один раз, по весьма объективному стечению обстоятельств, такое всё-таки случилось, он не стусевался, сунул мне в руку яичко, сваренное всмятку, которое брал на обед в поле и которое из-за страшной занятости не скушал, и сказал торжественно:

– Это лисичка-сестричка встретила меня в поле и прислала тебе гостинец.

И можете поверить мне на слово, дорогие читатели, – ничего и никогда более я не ел с такой радостью и с таким азартом. Это осталось в памяти на всю жизнь. Я тоже всегда носил в кармане конфет-

ки, когда мои дети были маленькими и всегда уверял их, что это лисичка-сестричка прислала или зайчик-попрыгайчик.

Именно папа привил мне чувство любви к родине. Он по особому и беззаветно любил землю, на которой родился. Он страстно любил запах полей – запах пшеницы, запах кукурузы, запах разнотравья, и совсем по-особому запах полыни, зверобоя и чебреца. Он страстно любил звук полей – звонкие, радостные переливы жаворонка высоко-высоко в небе, в ослепительных лучах утреннего солнца; стрекотанье кузнечиков, гудение пчёл и шмелей в разгар дня; и убаюкивающую песнь перепелов на вечерней заре, да полуношный скрежет сверчков. А ещё он испытывал страсть к езде – к путешествиям, к познанию мира. Он любил колесить на мотоцикле, при любом удобном случае, по близлежащим хуторам и станицам, приучив к этому и маму. Любил он и дальние поездки по необъятной стране – но отлучался с малой родины только ненадолго, только на недельку-другую. И мечтал, чтобы я тоже, выучившись, вернулся в родные края. Но именно папа невольно подтолкнул меня к тому, что я оказался надолго вдали от земли, на которой появился на свет и на которой вдохнул свой первый глоток воз-

духа, и на которую теперь мечтаю вернуться в самом конце жизни. «Пусть на денёк, пусть на часок...» Чтобы вдохнуть там и свой последний глоток.

Папа всегда сворачивал, вплоть до последних дней своей жизни, какой-нибудь лощёный плакатик в несколько раз так, чтобы он походил на портмоне и чтобы он помещался в потайной карман пиджака, и складывал туда, между свёрнутых страничек, превращавшихся в карманчики, всевозможные записки и квитанции. А когда странички-кармашки истрепывались, он отдавал их мне для игры и сворачивал из плаката новое подобие портмоне. Однажды, вместо плаката ему подвернулась под руку яркая, разноцветная карта мира. И когда она тоже превратилась в самодельное портмоне и слегка истрепалась, он тоже отдал её мне для игры.

Карта раз и навсегда поразила моё воображение. Я вцепился в неё обеими руками и сразу нашёл на ней Москву, хоть тогда и не умел ещё читать. А затем зазубрил наизусть все страны, все столицы мира, все океаны и моря... И раз и навсегда заболел путешествиями. Мне было тогда пять с половиной.

А ещё папа тоже спас меня от неминуемой смерти.

Однажды, будучи ещё шестилетним сорванцом,

почти удалось, но корешок в самый последний момент всё же оборвался. Я упал обратно в воду, опять стал барахтаться, опять ухватился за корешок и опять стал карабкаться вверх. Но и этот корешок оборвался... И так продолжалось до тех пор, пока все корешки не оборвались. Я окончательно обессилел, порядком наглотался воды и стал то и дело приноривать в воду, как поплавок во время клёва. Ещё бы минута, другая... и всё! И я на этом не выдержал, отчаянно закричал:

– Помогите!

И тут, на краю показались носки папиных ботинок – через секунду он заглянул вниз. Он потом толком не мог объяснить, что же его, всего лишь на минутку заскочившего дождю, заставило пойти на огород. Что?

А я могу. Мы с ним одной крови и одной звучной и красивой фамилии от рождения.

Родной воздух и родная земля.

Где я только не был, где только не учился, где только не работал, с кем только не встречался, с кем только не дружил – если перечислить, то список займёт места не меньше самого рассказа.

Но первый глоток наилучшего и наивкуснейшего воздуха я сделал там – на земле, на которой сделал свои первые шаги,